

**ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ФОРМОЙ И СОДЕРЖАНИЕМ КАК
СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ПЕРСОНАЖА В ПОВЕСТИ
С. ДОВЛАТОВА «КОМПРОМИСС»**

Н.А. Орлова, А.Ф. Петренко

**Пятигорский государственный лингвистический университет,
г. Пятигорск**

Авторы произведений нередко создают текстовые ситуации, где внешние черты персонажей становятся знаковыми (семиотически насыщенными), в результате чего между участниками диалога образуется дополнительный канал передачи информации. Знаковая внешность персонажа несет в себе новый набор сообщений, кодируемых особым образом. При этом столкновение семиотических миров с разными кодами может приводить к различным результатам, в том числе и к возникновению смехового эффекта. Подробнее рассмотрим это на примере прозы С. Довлатова.

Стремясь подчеркнуть такое пагубное для общества явление, как приоритет формального аспекта человеческой деятельности перед сущностным, писатели-сатирики прежде всего обращаются к знаковой функции одежды, костюма [подробнее см.: 4, с. 146-152]. Сергей Довлатов, писатель с ярко выраженными способностями к комическому восприятию и воссозданию действительности, также использует «язык костюма» для выявления и смехового разрушения определенных стереотипов поведения и мышления. При этом функции подобных элементов произведения выходят далеко за рамки создания комического эффекта и обогащают текст целым спектром новых смыслов.

Повесть Довлатова (а точнее – цикл новелл) под названием «Компромисс» начинается с того, что герой-рассказчик ищет работу. И сразу

же получает от приятеля совет: «Ты бы оделся как следует. Моя жена говорит, если бы ты оделся как следует...» [1, с. 230]. То есть социальная роль одежды ставится персонажем (разделяющим мнение своей жены) выше роли профессиональных качеств рассказчика-журналиста. Именно костюм, по мысли говорящего, должен обеспечить рассказчику место журналиста в газете «На страже Родины» (отметим попутно, что подобное название характерно для газеты, принадлежащей какому-нибудь «силовому» ведомству, а значит, костюм в данном контексте негласно приравнивается к мундиру, подчеркивает строгость, официальность, государственную позицию служащих газеты). Фактически автор использует мифопорождающую модель [см. об этом: 8, с. 17].

Но именно это обстоятельство и отпугивает героя Довлатова. Он сразу иронично относится к попыткам с помощью костюма упрочить свой социальный статус: «Заработаю – оденусь. Куплю себе цилиндр...» [1, с. 230]. Упоминание о цилиндре не случайно. Как отмечает Г. Почепцов, «одежда как знак может указывать на время, откуда она пришла, одновременно отсылая нас на значение этого же знака в современном контексте» [9, с. 75]. Довлатов называет элемент одежды, относящийся к позапрошлому веку, четко регламентирующему внешний вид человека. Применительно к настоящему времени цилиндр может означать стремление к сверхконсервативности, соблюдению «приличий», этикета, то есть рассказчик в шуточной форме предполагает стать прямо противоположным тому, кто он есть на самом деле.

В действительности строго упорядоченная знаковая система газеты «военно-государственного» ведомства с ее нормативным характером и господствующей официальной идеологией не прельщает героя, строки о костюме-мундире фигурируют по соседству с сатирическим описанием ответственного чиновника газеты – Каширина («тусклое лицо, армейский юмор»).

Термин «знаковая внешность», трактуемый расширительно, может быть представлен как «доминирующая форма», куда входят имя человека,

внешность, одежда, вещи, должность, национальность, документы всех видов. Все это функционирует в виде знаков, зачастую ложных. Решающая роль формального аспекта при умалении ценности личностных качеств индивидуума тоже имеет свои характерные отличия в зависимости от эпохи. «Когда-то человек гордился своими рысаками, а теперь... вельветовыми шлепанцами из Польши», – отмечает Довлатов. В обоих случаях гордость внешними атрибутами достойна улыбки, но изменение самих масштабов этой атрибутики красноречиво свидетельствует об измельчании некогда широкой натуры русского человека, о своеобразном кризисе русского национального характера. Впрочем, автор говорит об этом без надрыва и пафоса, не отделяя и себя от основной массы населения: «Даже интеллигентные люди врут, что у них приличная зарплата. Я сам всегда рублей двадцать прибавляю, хотя действительно неплохо зарабатываю» [1, с. 238].

В других случаях ориентация исключительно на внешность человека приводит к многочисленным ошибкам, путанице. Фотографа Жбанкова («Компромисс двенадцатый»), приехавшего по заданию редакции на слет узников фашистских концлагерей, неожиданно принимают за жертву фашизма и вручают корзину с цветами: «Среди бывших узников... Жбанков выделялся истощенностью и трагизмом облика» [1, с. 394]. В «Компромиссе одиннадцатом» Довлатов-рассказчик надевает «для солидности» костюм Шаблинского, чтобы заменить коллегу на похоронах директора телестудии Ильвеса, и словно берет на себя все функции бывшего хозяина костюма (даже окружающие постоянно сбиваются и называют Довлатова Шаблинским). В той же новелле из-за некоторого внешнего сходства перепутаны тела директора телестудии и бухгалтера рыболовецкого колхоза, и одного хоронят вместо другого.

Путаница (лат. "*qui pro quo*") – прием классического комедийного сюжетосложения. Юмор вообще часто «базируется на неожиданных когнитивных подменах, вызывающих... удивление» [см.: 6, с. 59-62]. Однако значение этого приема бывает различным. В перечисленных примерах

Довлатову важно создать ощущение *подмены* – не только людей и костюмов, но и слов, понятий. В окружающем автора мире меняются местами правда и ложь, смысл и бессмыслица, жизнь и смерть... Организация похорон ответственного лица неожиданно сравнивается с хорошо знакомым Довлатову-журналисту процессом: «В похоронной комиссии царила суэта, напоминавшая знакомую *редакционную атмосферу с ее фальшивой озабоченностью и громогласным лихорадочным бесплодием*» [1, с. 376].

В «Компромиссе пятом» идет выбор «юбилейного мальчика» – четырехсоттысячного жителя Таллинна. Здесь в роли знаков функционируют национальность ребенка, имя, состав семьи и даже пол младенца («мальчик как-то символичнее»). Все это относится к «внешним» атрибутам человека [см.: 5]. Иначе говоря, юбилейный ребенок должен соответствовать семиотическим нормам господствующей идеологии («Младенец должен быть публикабельным», – напутствует журналиста редактор). При этом автор сразу обращает наше внимание на оппозицию «внешнее – сущностное»:

«– Генрих Францевич, что касается снимков... Учтите, новорожденные бывают так себе...

– Выберите лучшего. Подождите, время есть.

– Месяца четыре ждать придется. Раньше он вряд ли на человека будет похож. *А кому и пятидесяти лет мало*» [1, с. 250].

На протяжении всей новеллы мы наблюдаем, как разрастается конфликт между семиотической практикой и навязанными ей искусственными нормами. Редактор Туронок, требующий соблюдения норматива, бракует ненадежных отцов, эфиопа и еврея, сам придумывает имя для новорожденного (Лембит), передает отцу ребенка символический «ключ счастья», являющийся знаком официальных чествований.

Имя, кстати, как уже было сказано, является частью знаковой оболочки человека и отличается повышенной семиотической нагрузкой. Довлатов обыгрывает это обстоятельство в комически-серьезном ключе. Знаковое для редактора имя Лембит («хорошо, мужественно и символично звучит») обретает

в результате ироничной угрозы рассказчика имя-противовес «из другого лагеря» (Адольф), которое является контрзнаковым. Оба имени функционируют в виде ложных знаков, ведь отец собирается назвать мальчика Володей.

Жизнь корректирует норму: ребенок становится Лембитом временно, «полный комплект родителей» оборачивается «чистым театром», «ключ счастья» оказывается в урне, счастливый отец пьянствует вместе с журналистом. Весь набор ложных знаков разрушен, противоречия между «внешним» и «внутренним», формой и содержанием обнажены и преданы осмеянию.

Библиографический список:

1. Довлатов С. Собр. соч.: В 4 т. Т.1 / Сост. А.Ю. Арьев. СПб., 2001.
2. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
4. Орлова Н.А. Поэтика комического в прозе С. Довлатова: семиотические механизмы и фольклорная парадигма: дисс... к.ф.н. Майкоп: АГУ, 2010.
5. Орлова Н.А., Петренко А.Ф. Семиотические и фольклорные модели смехового мира Сергея Довлатова. Пятигорск, 2011.
6. Петренко С.А. Юмор Мартина Эмиса сквозь призму когнитивной лингвистики // Основные проблемы гуманитарных наук: Сборник научных трудов по итогам научно-практической конференции. Волгоград, 2014. – С. 59-62.
7. Петрова Е. Знаки общения. М., 2001.
8. Пономарева О.А. «Диалогизм» романа «Кысь» Т. Толстой (фольклорный, литературный и историко-культурный аспекты): автореф. дисс... к.ф.н. Майкоп: АГУ, 2008. – С. 17.
9. Почепцов Г.П. Семиотика. М.: «Рефл-бук», Киев: «Ваклер», 2002.